

Саша Черный. Антошина беда

Из сборника "Солдатские сказки"

Черный Саша. Собрание сочинений в пяти томах. М.: Эллис Лак, 1996.
Том 3, стр. 289 – 292.

Электронная версия: В. Есаулов, 23 декабря 2005 г.

Пала ночь на город... Звезды не спят, ветер по кустам бродит, а солдатам в мирное время в ночную пору спать полагается. Спит весь полк, кроме тех, кто в карауле да по дневальству занят. Собрались солдатские Ангелы-Хранители в городском саду, за старым валом. Подначальники ихние, по койкам свернувшись, глаза завели, – не сидеть же до белой зари у изголовьев ихних... Ходят Ангелы по дорожкам, мирно беседуют, – лунный свет сквозь них насквозь мреет, будто и нет никого. Только крыло, словно парус хрустальный, кое-где над кустом загорится – и опять в темных кустах погаснет.

Каждый Ангел со своим солдатом схож, – который солдат в плечах широк, лицом ядрен, – и Ангел у него бравый; который замухрышка незадачливый, – Ангел у него тихонький, уточкой переступает, виду у него настоящего нет... Однако все между собой в светлом согласии, в ладу, – не по ранжиру же им, Ангелам, равняться, звание не такое.

Все боле поротно они собирались, кругами. Потому каждый своей частью интересуется, все солдатики своей роты до доньшка им известны, – беда ли какая, либо заминка, совместно обсудят, авось чего и придумают.

Шестой роты Ангелы коло пруда расположились. Ангела первовзводного командира обступили, ласково ему выговаривают: что-де твой воин-унтер разбушевался, – спокойя от него нет, молодых солдат сверх пропорции жучит... Какой-де овод укусил? Начальник был справедливый, а теперь – будто козел на бочку, так на всех дуром и наскакивает.

Смутился Ангел, поясок шелковый подергивает. "Эх, братцы, и самому мне обидно. Письмо он с деревни получил, – невеста евонная за волостного писаря замуж вышла, – вот он с досады и озорует. Уж я его как-никак успокою... Свое горе сам и перетерпи, на подчиненных не перекладывай..."

Про инспекторский смотр поговорили, – кажись, в роте все исправно, без боя, без крика репертички идут... Сойдет гладко, солдатам облегчение.

Помолчали Ангелы, стали камушки в лунный пруд метать. С чего же им печалиться: войны не предвидится, в роте штрафованных нет, каждый солдат себя соблюдает, – кажись, у Ангелов-Хранителей и забот-то никаких нет.

Затянул было с правого фланга светлокрылый один любимую их солдатскую:

Ранным рано на рассвете
Господь солнышко послал,
Чтоб на ротное ученье
Солдат жаворонком встал...

Подхватили Ангелы бестелесными соловьиными голосами, – от ясного дыхания рябь по пруду прошла. Прижались друг к дружке для угрева, покачиваются. Ан тут кто-то из них и спрашивает:

– А что ж это Антошкиного голоса не слышать? Он всех знаменитей поет, куда ж он сподевался? Кажись, солдат его не в наряде...

Переглянулись они справа-налево, – нет Антоши. А звали они так Ангела одного Хранителя, – потому имена у них каждому по своему солдату идут.

Туда-сюда глянули, на легкие ножки встали: нет Ангела и следа, будто облако, растаял.

Бросились они по кустам, видят, поодаль, у самой воды, сидит под лозой Антоша, плечики у него вздрагивают, крылами лицо прикрыл, навзрыд рыдает.

– Что с тобой, лебедь? Кажись, твой и здоров и не на замечанье... С чего плачешь-то, ангельский лик свой туманишь?

– Ах, братцы, беда... Поди сами знаете, – мой-от в роте всех тише, всех безответнее... В иноки б ему, а не в солдаты... Портняжил он все между делом, по малости. То вольноопределяющему шинельку пригонит, то подпрапорщику шароварки сошьет... То да се, – десять целковых и набежало... Хотел матери убогой к празднику послать. Старушка в слободе под Уманью живет, только тем и дышит, что от сына ей кой-когда перепадает. Ан вот сегодня и прилучилось; скрали у моего солдата всю выручку, и звания не